

Меланхолия

На следующее утро, едва проснувшись, Се И почувствовал тонкий цветочный аромат. Он сел на кровати. Уфу подошёл, чтобы помочь ему встать и умыться. Опустив руки в таз с водой, Се И заметил, что аромат стал сильнее.

— Откуда этот запах?

— Это наследник Сюй спозаранку принёс несколько горшков с орхидеями и расставил в комнате, — ответил Люшунь. — Сказал, что это подношение от управляющих его лавками. Он нашёл их аромат приятным и специально принёс для вас.

— Орхидеи? — переспросил Се И. — Какого они цвета?

— Нефритово-белые, прозрачные, как ледяные цветы. На каждом растении по семь-восемь цветоносов, а на каждом цветоносе — больше десяти цветков. Аромат очень сильный.

Се И слегка кивнул. Это был сорт «рыбья икра» — редчайший дар из провинции Минь. Впрочем, он давно отменил все эти бессмысленные и разорительные для народа поставки цветов, птиц и камней, заведённые при предыдущем императоре. Казна была пуста, а с провинций продолжали требовать дань, чтобы ублажать императорский двор. От этих безделушек не было пользы ни государству, ни народу. Теперь же, когда их покупали за большие деньги богатые купцы, цветоводы хотя бы могли прокормить свои семьи.

Этот юный князь Сюй действительно жил в роскоши. Даже он, император, лишь благодаря ему мог сегодня наслаждаться таким изыском. Орхидеи были слишком капризны и требовали сложного ухода. Во дворце зимой обычно довольствовались простыми нарциссами и химонантами. Такие драгоценные орхидеи привозить не осмеливались, опасаясь, что они приглянутся Сыну Неба, и тогда придётся поставлять их каждый год, что повлекло бы за собой огромные хлопоты.

За все дни, что он провёл здесь, в комнате всегда витал аромат, но это были не благовония, а лежавшие на столе плоды цитрона. Вероятно, Сюй Чунь любил их. Но зима была в разгаре, и сегодня их все заменили на орхидеи — специально для него, невидящего.

Се И вспомнил вчерашнее лёгкое, как прикосновение крыльев бабочки, касание. С такой нежной и трогательной заботой можно было бы покорить любого, будь то женщина или мужчина. За эти несколько дней одежда, еда, повозки — всё было устроено с максимальным комфортом и роскошью. Еда была изысканной, а блюда — утончёнными. И при этом в чтении он не мог связать двух слов. Очевидно, его воспитанием никто всерьёз не занимался. С таким состоянием можно было нанять лучших учителей. Как можно было так его запустить?

Сюй Чуню было восемнадцать, а он всё ещё не был помолвлен, что для знатной столичной семьи было поздно. Конечно, отчасти в этом были виноваты его беспутный отец и мать-купчиха. Найти невесту из высшего света было трудно, но устроить помолвку с дочерью чиновника было бы несложно. Однако этим никто не занимался. Похоже, в резиденции князя Цзин никто искренне не заботился о его будущем. А его мать-купчиха, вероятно, не имела в этом вопросе права голоса. Без пожалованного титула она не могла войти в круг столичной знати. А в доме были ещё две дамы с титулами: одна — в преклонном возрасте, другая — в трауре.

У Сюй Чуня был ещё старший брат от наложницы, тоже неженатый, но уже получивший степень цзюйжэня и готовившийся к весенним испытаниям. Став чиновником, он, несомненно, получил бы преимущество при выборе невесты. Побочный сын, незаконнорождённый, был официально признан, получил образование за счёт богатой мачехи и теперь стоял на пороге новой жизни, которая снова могла измениться благодаря удачному браку. А законный наследник, тем временем, превратился в расточительного повесу, не только не заключившего выгодного союза, но и, поддавшись соблазнам, увлёкшегося «Южным ветром» и вставшего на кривую дорожку.

Прекрасная история о том, как побочный сын, преодолев все трудности, добивается успеха. Прямо сюжет для пьесы. Можно ли это считать случайностью? Се И, выросший при дворе, видел столько интриг и козней, что не верил в случайности, особенно когда речь шла о наследовании титула. В каждой знатной семье за закрытыми дверями скрывались свои тёмные тайны.

Се И был от природы склонен к глубоким размышлениям и подозрительности. Раз уж он взял Сюй Чуня под свою опеку, то не мог не задуматься о странностях в его семье. После умывания принесли завтрак: суп-лапшу с курицей, маленькие вонтоны с креветками и паровые булочки с крабовой икрой и мясом. На десерт подали желе из рыбьего клея и суп из ласточкиных гнёзд, а также несколько видов пирожных и редкие для зимы груши и дыни.

Он провёл здесь уже семь или восемь дней, и каждый день меню было разным. Говорили, что всё это готовила сама Шестая нянюшка. Такая забота не могла не трогать. Он съел немного, а остальное отдал Уфу и Люшуню.

Не успели убрать посуду, как пришёл Сюй Чунь с лекарем Чжоу. Лекарь осмотрел рану, пощупал пульс и сказал:

— Рана начала заживать, пульс ровный. Для наружного применения сменим мазь на порошок из рябчика, дудника, ревеня и древесного аромата для снятия отёка и рассасывания уплотнений. Добавим немного борнеола для охлаждения и регенерации тканей. Внутрь продолжайте принимать тот же отвар, но без бархата амурского, и дозу уменьшить вдвое. По утрам принимайте ломтик женьшеня для укрепления организма. Постепенно поправитесь. Ночью спите спокойно?

Се И знал, что лекарь очень искусен, и не стал ничего скрывать.

— Иногда всё ещё бывают приступы тревоги, просыпаюсь и долго не могу уснуть. Но это у меня и раньше было.

Лекарь Чжоу нахмурился.

— Это от излишних дум. Я вижу, вы человек незаурядного ума и сильного характера, наверняка склонны к глубоким размышлениям. Вам следует больше отдыхать и не принимать всё так близко к сердцу. Если так пойдёт и дальше, то от душевных переживаний кровь и ци застоятся, пропадёт аппетит, появится усталость. Это нехорошо. Вам бы больше развлекаться, от души смеяться, может, и станет лучше.

Се И лишь улыбнулся в ответ. Лекарь Чжоу понимал, что характер изменить трудно, и не стал настаивать.

— Снимите повязку, посмотрим на глаза, — велел он Дунхаю.

Дунхай вместе с Люшунем и другими слугами принялся снимать повязку. Сюй Чунь, хоть и нервничал, отошёл к окну. Хотя день был пасмурный, и свет — неярким, он всё равно прикрыл створки.

Уфу, видя это, не мог не растрогаться. Этот наследник Сюй, хоть и прослыл повесой, но за эти дни проявил к императору неподдельную заботу.

Повязку снимали слой за слоем. Дунхай приготовил горячую воду и тёплыми полотенцами осторожно стёр с глаз Се И толстый слой мази. Сменив несколько полотенец, он протёр глаза чистой водой, смазал их тонким слоем масла камелии и только потом попросил Се И открыть глаза.

Се И медленно открыл глаза и тут же встретился с круглыми, полными беспокойства глазами Сюй Чуня. Тот, заметив его взгляд, тут же отвёл глаза, и его уши покраснели.

— Ну как? — спросил лекарь Чжоу.

— Вижу, — ответил Се И, — хотя всё ещё немного расплывчато и тускло.

Лекарь Чжоу внимательно осмотрел его зрачки и глаза и удовлетворённо кивнул.

— Всё как я и предполагал. Теперь принимайте пилюли «Три цветка и девять семян». В еду добавляйте больше ягод годжи, они полезны для глаз. В ближайшее время поменьше читайте и пишите, больше смотрите вдаль, гуляйте на свежем воздухе, радуйтесь жизни, двигайтесь. Так и яд из организма быстрее выйдет.

Закончив, лекарь Чжоу встал и вместе с Дунхаем вышел, чтобы выписать рецепт. Сюй Чунь, обеспокоенный его словами, последовал за ним. Дождавшись, когда лекарь закончит писать, он тихо спросил:

— Дедушка Чжоу, эта меланхолия от излишних дум у девятого братца... это серьёзно? Как её лечить?

— Твой девятый братец, — ответил лекарь, — сразу видно, по ночам не спит, всё думает. Так бывает с теми, кто много пережил. Как старики — ночью, в тишине, вся жизнь перед глазами проносится, вот и не спится. Это от характера зависит. Я вижу, он ко всему подходит с полной отдачей, даже к мелочам. Как лев, который и на зайца охотится со всей силой. Он ещё молод, а уже изнурил себя думами и заботами, отчего и дух его подавлен, и ци застоялась. Эта болезнь у него, боюсь, уже не один год, так просто не пройдёт.

— Но как сделать, чтобы он радовался? — не унимался Сюй Чунь.

— Обычные люди радуются еде, питью и развлечениям, — хмыкнул лекарь. — Но у твоего девятого братца на душе столько обид, что развеселить его будет непросто. Оставь эту затею.

— Спасибо, дедушка Чжоу, — сказал Сюй Чунь. — А можете выписать рецепты каких-нибудь успокаивающих блюд?

Лекарь Чжоу хмыкнул ещё раз, но молча написал несколько рецептов и ушёл. Сюй Чунь проводил его и, вернувшись, увидел Се И, который, закутавшись в лисью шубу, стоял во дворе и, опустив ресницы, смотрел на огромные аквариумы у подножия искусственной горки. Аквариумы были укутаны в войлок и обставлены жаровнями, чтобы вода не замёрзла. В них плавала живая рыба. На фоне тёмных аквариумов Се И, в своей холодной отстранённости, казался особенно одиноким.

Сюй Чунь, опасаясь, что он простудится, подошёл к нему с весёлой улыбкой.

— Девятый братец, рыбок смотрите? Это полезно для глаз. Эту рыбу Шестая нянюшка держит для кухни. Выбирайте, какая вам нравится, сейчас же и приготовим.

— Я вспоминал историю о том, как Чжуан-цзы наблюдал за рыбами на мосту, — взглянув на него, ответил Се И.

— Девятый братец, вы хотите написать стихи? — простодушно спросил Сюй Чунь.

Раз уж он знает о бабочке Чжуан-цзы, как он может не знать о рыбах? Се И посмотрел на лениво покачивающихся в воде рыб и усмехнулся. Он знал, что этот юный повеса беспокоится о его меланхолии и специально вышел расспросить лекаря. Поэтому он ждал его здесь, чтобы сказать, что не стоит беспокоиться. Но этот неуч, очевидно, не понял намёка на «ты не рыба,

откуда тебе знать», и разговор зашёл в тупик.

С этим юнцом, который думает только о еде и развлечениях, нужно говорить прямо. Для Се И, выросшего во дворце, где с детства его учили скрывать свои чувства и понимать намёки, где он привык к интригам и двусмысленным речам, такое прямотушение было в новинку.

Увидев улыбку Се И, Сюй Чунь совсем растаял.

— Девятый братец, вы, должно быть, заскучали дома. Сегодня погода хорошая, давайте я свожу вас в Театральный сад, послушаем музыку, посмотрим представление.

Се И обычно не интересовался подобными развлечениями, но поход в театр давал возможность понаблюдать за нравами столицы и позволял Фан Цзысину собрать нужные сведения.

— Хорошо, — согласился он, — но я не хочу встречаться с незнакомыми людьми.

— Не волнуйтесь! — обрадовался Сюй Чунь. — Этот Театральный сад мой. Мы пройдем через задний вход прямо в мою ложу, никого не встретим.

Он тут же велел готовить повозку, распорядился взять с собой жаровню для лекарств, грелки и прочие мелочи. Вскоре всё было готово. Сюй Чунь лично помог Се И сесть в повозку. Се И заметил, что и она была обставлена с роскошью. Снаружи — обычная, покрытая тёмно-зелёным лаком, а внутри — просторная и тёплая, с окнами из хрустального стекла и обивкой из дорогих тканей. Се И сел на сиденье, покрытое мягкой тигровой шкурой, и наблюдал, как Сюй Чунь раскладывает столик, достаёт чайник, книги и прочее.

— А ты умеешь устраиваться, — не удержался он от замечания.

— В последнее время часто идёт снег, — с энтузиазмом заговорил Сюй Чунь. — Как только прекратится и в западных горах прояснится, поедем туда любоваться снегом и охотиться. У меня там есть небольшое поместье с лесом, можно поохотиться зимой. Пожарим оленину, баранину, вам для восстановления сил полезно. Можно и на лодке по озеру покататься, и порыбачить. Я там таких больших рыб ловил! А пока вы не совсем поправились, погуляем по городу.

Се И видел, что в развлечениях он действительно знает толк, и не стал его разочаровывать. Новогодние каникулы подходили к концу, скоро нужно было возобновлять утренние приёмы, а после праздников — весенние экзамены. Ему нужно было возвращаться во дворец, он не мог вечно здесь сидеть. Он заметил на столике несколько книг, завернутых в мягкую ткань, — видимо, для чтения в дороге. Он взял одну из них.

Книга была простой, сшитой нитками, в обложке из промасленной бумаги. На ней было написано «Записки о яшмовом дереве», а в качестве автора указан Чугуанькэ. Почерк был

неплох — быстрый, с твёрдыми, чёткими линиями. Он открыл первую страницу: «Перед яшмовым деревом в заднем дворе, у зеркала с яшмовой травой. Прошлого года цветы не увяли, этого года луна снова кругла. Не дай ей склониться, вместе с луной и цветами, пусть небо дарует вечную юность».

— Стихи последнего правителя Ли здесь весьма кстати, — заметил он. — И почерк неплох, резкий и изящный, хоть и немного небрежный. О чём это? Пьеса или повесть?

— Наверное, какая-то пьеса, которую прислали мои люди, — небрежно ответил Сюй Чунь. — Девятый братец, если понравится, можно будет попросить, чтобы её сыграли... — Он взглянул на книгу и увидел на обложке «Записки о яшмовом дереве». Это же была та самая повесть о «Южном ветре», которую написал бедный цзюйжэнь Хэ Чжицю. Сегодня из книжной лавки прислали рукопись, и когда Сячао спросил, что с ней делать, он просто велел убрать. Кто же знал, что Сячао окажется таким догадливым и положит её сюда?

От ужаса у Сюй Чуня душа ушла в пятки. Он бросился к Се И, пытаясь выхватить книгу.

— Девятый братец, у вас глаза только поправились, не стоит читать в повозке!

***

<http://bllate.org/book/16990/1584635>